

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН. СОЕДИНЯЙТЕСЬ ПРОЛЕТАРИ ВСІХ КРАЇН. ЄДНАЙТЕСЯ! ПРОЛЕТАРЫ УСІХ КРАЇН, ЄДНАЙЦЕСЯ!
БҮТҮН ӨЛКӨЛӨРІН ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРЛЭШИНІ! ЖАНСООДАДАМ БЭЭНЭ АЗОНЕОБЭ, ЭООАМЭООМ ЭРОЛБЭЭРБЭР РОЛОР БРЧРБЭР, БРЧБЭР!
БҮТІН ЕР ЙУЗИНИН ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРЛЕШИН БУТҮН ДУН'Ё ПРОЛЕТАРЛАРИ, БИРЛАШАНГИЗИ ПРОЛЕТАРХОН ХАМАН МАМЛАКАТХО, ЯК ШАВЕД
БАРЛЫК ЕЛДЕРДИН ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРГІНДЕРІ БАРДЫК ӨЛКӨЛӨРДҮН ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРИККИЛЕ! KAIKKIEN MAIDEN PROLETAARIT, LIITTYLÄ YHTEEN!
ПРОЛЕТАРЬ ДИН ТОАТЕ ЦЭРИЛЕ, УНИЦИ-БЭІ VISU ŠALIŲ PROLETAARAI, VIENYKITĖSI
VISU ŽEMŲ PROLETĀRIEŠI, SAVIENOJĒTIESI KÓIGI MAALDE PROLETAARLASED, OHINEQƏ

ИЗВЕСТИЯ

СОВЕТОВ
ДЕПУТАТОВ
ТРУДЯЩИХСЯ
СССР

Год издания 28-й

№ 166 (8468)

ПЯТНИЦА

14

И Ю Л Я
1944 г.

Цена 20 коп.

Певец красоты

«Отчего же душа скорбит и не хочет слушать разума?»

«...Даже поверить трудно, что его уж нет на свете!»

(Чехов. «Святою ночью»).

Изумительное явление русской жизни — Чехов, писатель огромного мирового масштаба, любимый прежде всего за его богатырскую силу и красоту. А хочется говорить о нем интимно, как о самом дорогом, близком и любимом, о нежной ткани его творчества.

Сорок лет прошло со дня его смерти. О Чехове за это время много написали воспоминаний люди, знавшие его лично и общавшиеся с ним. Уж немного осталось в живых таких людей. Но есть еще один разряд младших современников Чехова, которых не выпало счастья лично знать Чехова и общаться с ним, но которые прожили всю свою духовную жизнь в тесном общении с творчеством и личностью Чехова. Об этом они тоже могли бы написать свои воспоминания.

Короткой была жизнь Антона Павловича, он ушел от нас в самом расцвете своих сил. Но слава его и любовь к нему в России уже задолго до его преждевременной смерти были огромны. Каждое новое его произведение ожидалось с предвкушением нового высокого наслаждения. Все мы тогда ждали от Чехова новых художественных откровений, новых радостей, и никто не знал, что так скоро постигнет нас великое горе потери. Я помню тот июльский день в Ростове-на-Дону. Как-раз накануне была веселая вечеринка, где так любовно цитировались перлы

чеховского творчества, где молодежь состязалась в знании чеховского текста. А утром получилась телеграмма, что Чехова уже нет. Горько плача, я писал о нем статью, начинающуюся вот этим самым эпитафием: «Поверить трудно, что его уж нет на свете!»

Чем, какими корнями так крепко врос Чехов в нашу душу? Перед нами, перед всем человечеством Чехов стоит теперь, как одна из самых могучих писателей, беспощадно бичевавших всё, что мешает прогрессу и счастью человеческого общества, всё, что может быть названо контрреволюционным в самом широком смысле этого слова. Он — беспощадный, безусловный враг этого явления, не признающий никаких компромиссов. И в то же время это самый нежный, любящий писатель. Основная характеристика творческой черта Чехова — это изящество, невыразимое обаяние. Чехов — певец красоты. Его прозу можно читать и перечитывать, как можно много раз слушать сладкую, волнующую музыку, потому что чеховская проза — благоуханная поэзия.

Как слегались и сливались в один образ эти, казалось бы, два противоположных чеховских качества? Толстой сказал, что Чехов — это Пушкин в прозе. Что хотел сказать этим великий писатель русской земли? Пушкин был певец живой жизни, духовного и физического здоровья, певец красоты, любви и свободы. Чехов в молодости пишет в одном из частных писем: «Я ненавижу ложь и насилия во всех видах. Мое святое святых — это человеческое тело, здоровье, ум, та-

лант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода от силы и лжи, в чем бы последние два ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником». Это творческая программа великого русского поэта Пушкина и великого русского прозаика Чехова: бодрость и любовь к жизни. Горький когда-то писал: «Каждый новый рассказ Чехова все усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни». Чехов так же глубоко народен, как и Пушкин. Он часто говорил, что его писательское дело — дело народное. Очень нетрудно установить кровное родство и прямую творческую преемственность этих двух русских титанов. Какие национальные русские черты были в Чехове? Конечно, в этом случае мы обращаемся прежде всего к народной черте — гуманности. Чехов — великий гуманист. Глубоко народны и его гениальный, чисто русский юмор, и неутолимая тоска по лучшей жизни. Тонко и необыкновенно глубокий анализ Чеховым положительных образов, особенно женских. Они обаятельны и благоуханны. Вспомним Мисюсю («Дом с мезонином»), Анну Сергеевну («Дама с собачкой»), Ольгу («Мужики»), трёх сестер, Соню («Дядя Ваня») и т. д., и т. д. От всех этих образов веет ароматом богатой русской души.

И еще великая национальная черта — простота и ясность чеховского творчества. Чехов — враг всяких эффектов, всяких подчеркиваний. Его кажущаяся объективность часто даже принималась за холодность и вводила в заблуждение критиков, не обращавших внимания на скрывающуюся за нею огромную страстность художника, относившегося с беспощадной критикой к своей работе, добивавшегося в ней крайнего лаконизма. Родоначальник и законодатель маленькой новел-

лы, он особенно боялся длиннот и, как никто, умел добиваться в своих рассказах предельной краткости. В его письмах и советах писателям постоянно фигурирует требование сокращать и сокращать. Известно его выражение о том, что он никогда не пожалел о сокращенном, но часто скорбел над длиннотами. Известно его требование по телеграфу в Московский Художественный театр изъять из «Трех сестрах» длинный монолог Андрея, посвященный жене, и заменить одной фразой: «Жена есть жена».

Все это в связи с поразительной его личной скромностью оставляет такое впечатление, словно Чехов боялся, как бы не надоест читателю. Посмотрите на объем его произведений. Подумать только, такие глубокие произведения, о которых написаны были сотни статей, как «Палата № 6», занимают около двадцати страниц, а классические «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви» и прочие вмещаются на каком-нибудь десятке страниц.

Называя Чехова революционным писателем, мы разумеем не только его горячий протест против насилия, эксплуатации, паразитической праздности одних и беспроектного труда других. Протест Чехова касался глубоких корней нашей жизни. Для него, как и для Гоголя, злейшим врагом была пошлость. «Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости», — с ужасом восклицает его герой, учитель словесности Никитин. Чехов — непримиримый враг не только той пошлости, которая бросается всем в глаза. Тонкий чеховский анализ вскрывает пошлость глубже. Всякая избитая истина, шаблон и трафарет в её выражении, застой и трусовость мысли, часто под видом её прогресса, — вот злейшие враги, которых ненавидел и преследовал Чехов с первых

и до последних шагов своего литературного пути. Уже в первом своем рассказе «Письмо донского помещика» он избирает мишенью своего блестящего сарказма именно эту тупость и невежество. Не менее характерен и второй его рассказ — «Что чаще всего встречается в романах повестях и т. п.». Характерен именно для писательского метода Чехова. Здесь он издевается над литературными шаблонами в самых, казалось бы, поэтических описаниях природы, людей, характеров и т. п.

Боязнь живой мысли и живой жизни гениально выразил он в рассказе «Человек в футляре», где герой возведен в символ. Страх Беликова, выраженный в знаменитой фразе «как бы чего не вышло», заражает всех окружающих. Таков же учитель Пришибеев, таков отец героя повести «Моя жизнь», а рядом стоят, может быть, менее страшные для окружающих, но не менее страшные для прогресса человеческой мысли, люди шаблона, позволяющие себе говорить только то, что всем известно: «Волга впадает в Каспийское море», «Лошади едят овёс». Эти символы особенно ненавидимы были Чеховым, потому что они не так-то легко бросались в глаза, а часто ридились в чужие костюмы.

Минуло полвека. Футляр разбит. Ушла безвозвратно и навеки старая жизнь. Пришла новая жизнь всеобщего радостного труда, о которой так страстно мечтают многие чеховские герои, выражая, конечно, заветную мечту самого Чехова. Пришел и новый хозяин жизни — народ.

Чехов физически умер сорок лет тому назад, но живет и будет жить в веках великий писатель Чехов, своими творениями помогающий нам осуществлять его заветную мечту о сказочно-прекрасной новой жизни.

К. ТРЕНЕВ.